

## Главы из книги о М. М. Бахтине

Н. А. Паньков

### Неожиданное письмо

Я забыт в сердцах, как мертвый...

<...>

Я стал нем, не открываю уст моих;  
потому что Ты соделал это.

---

Псалтирь, 30:13, 38:10

К тысяча девятьсот шестидесятому году Михаил Михайлович Бахтин уже совсем смирился со своею участью, более того, осознал и *принял* её как должное, как непререкаемую, кармически безысходную неизбежность. Жизнь была кончена, он — после издания в 1929 году книги «Проблемы творчества Достоевского», затем после ареста и ссылки, после длительных скитаний и суровых проработок — умер для науки, оказавшись вне круга близких по духу людей, лишившись возможности публиковать свои труды, канув в мрачную Лету...

Словно символизирующая собой угасание этой незавидной судьбы, стояла поздняя осень. 17 ноября Бахтину исполнилось 65 лет. Ничто не предвещало каких-либо перемен или тревожных, нарушающих столь трудно обретенный покой, когда почта принесла совершенно неожиданное-негаданное письмо.

Письмо пришло не по домашнему адресу (Мордовская АССР, город Саранск, улица Советская, дом 31, квартира 30), а в недавно преобразованный из пединститута университет, в котором Бахтин преподавал и заведовал кафедрой всеобщей литературы вот уже чуть более полутора десятилетий, с августа 1945 года. Само по себе это не очень удивило: Бахтин всего только с год как переехал в новую квартиру, и поэтому разыскивать его, в принципе, удобнее было по месту работы. Вот только кому он мог вдруг понадобиться?! Из тех, с кем раньше велась переписка, иные умерли или погибли, а иные — привыкли к его молчанию в ответ, и сами замолчали почти что напроочь... Несколько месяцев назад, в январе того же шестидесятого, Мария Вениаминовна Юдина, великая пианистка, старинный и душевный друг, с горечью и обидой обронила в одном из редких теперь посланий к нему: «... Вы не отвечаете на письма, и писать Вам те или иные мысли и чувства, размышления и прочее — бессмысленно...»

О чём Бахтин подумал тогда, получив письмо в главном корпусе Мордовского университета, построенном в трагические тридцатые, — никто не зна-

ет. Возможно, у него мелькнула мысль, что, скорее всего, это некая официальная бумага откуда-то залетела по неизвестному бюрократическому поводу (или — неужели!? — кто-нибудь вспомнил о его относительно «круглой» дате). . . Но нет, письмо показалось (а потом и оказалось) приватным, хотя и не похожим на поздравительное. Быстро взглянув на обратный адрес, почерк и фамилию отправителя, Бахтин вскрыл конверт, развернул сложенные вчетверо листки и прочитал:

12.XI.60

*Глубокоуважаемый и дорогой нам Михаил Михайлович!*

*Простите, что незнакомые люди осмеливаются Вас беспокоить. Впрочем, мы воспринимаем автора «Проблем творчества Достоевского» как давно знакомого и близкого человека. Ваша прекрасная книга не только представляет собою наиболее истинное и ценное исследование о Достоевском, но, помимо того (или точнее, именно потому), имеет для нас первостепенное теоретическое значение.*

*Я обращаюсь к Вам от имени связанной совместной работой и дружбой группы молодых литературоведов, которые родились в год появления Вашей книги или одним-двумя годами позднее. Практически мы почти ничего ещё не сделали. Но мы стремимся продолжать в своей работе дело Вашего поколения русской науки о литературе. Мы ясно сознаём, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения. И естественно, что в обширном новейшем обзоре V.Seduro. «Dostoyevski in Literary Criticism. 1846–1956» (New York, 1957, 412 p.) Ваша книга подробно излагается и оценивается как основополагающий труд о творчестве Достоевского.*

*Но, пожалуй, наибольшая ценность Вашей работы заключена для нас в её методологии, дающей единственно верный путь к пониманию искусства слова, — методологии, которая не вкладывает в произведение априорно сочинённые абстракции какого-либо рода «идей», но стремится раскрыть всё многогранное художественное содержание, глубоко исследуя объективную и конкретную реальность формы произведения. Этому мы учимся у Вас.*

*Не менее интересен для нас и другой Ваш труд, недавно нами «открытый», — «Франсуа Рабле в истории реализма». Сейчас мы с наслаждением изучаем эту фундаментальную работу.*

*Наша собственная «продукция» ограничивается десятком небольших статей; в настоящее время мы заканчиваем первый том нашего совместного детища — «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (в Институте мировой литературы им. Горького). И если нам удастся высказать нечто полезное и существенное, мы будем во многом обязаны этим и Вам.*

*В заключение позвольте обратиться к Вам с двумя просьбами.*

*Мне поручено написать статью о Вас для выходящего в начале будущего года 1-го тома «Краткой литературной энциклопедии» (800–1000 знаков). Очень прошу Вас сообщить следующие сведения:*

- 1) точную дату и место рождения,
- 2) образование,
- 3) первую публикацию,
- 4) основные места службы (сейчас вы заведуете кафедрой русской литературы Мордовского педагогического института?),
- 5) работы, которые мне, возможно, неизвестны (я знаю, помимо книги о Достоевском и диссертации, статью о «Воскресении» Толстого),
- 6) заслуживающие внимание рецензии на Ваши работы (помимо известной мне статьи Луначарского).

Во-вторых, не имеет ли Вы желания предложить какую-либо статью для журнала «Вопросы литературы», с которым мы тесно связаны? Это, в частности, могла бы быть Ваша работа о сатире (для невышедшего тома «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг.), которую мы пока тщетно здесь разыскиваем. Если Вы согласны что-нибудь сделать для журнала, можно было бы прислать Вам официальное предложение от редакции.

Мы будем счастливы получить от Вас хотя бы самый краткий отклик.

Мы — это сотрудники Ин<ститу>та миров<ой> лит<ерату>ры С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев, В. В. Кожин, П. В. Палиевский, В. Д. Сквозников.

Примите наши самые добрые и сердечные приветствия.

Кожин Вадим.

Москва, В-17, Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 10, Кожину В. В.

Позднее, несколько лет спустя, Бахтин говорил Галине Борисовне Пономарёвой<sup>1</sup> (ныне заведующей московским Музеем Ф. М. Достоевского, а тогда просто молодой аспирантке), что пережил это письмо как глубочайшее и сильнейшее потрясение. Он был необыкновенно поражён тем, что кто-то его вспомнил, разыскал и что всё может ещё как-то измениться, — такая бурлила в письме молодая энергия, кажется, способная если не на чудеса, то, во всяком случае, на большие дела (да и «оттепель», «оттепель» — всё-таки 1960-й...). Впрочем, уж он-то знал, что никому не под силу преодолеть стену глухих запретов, трясины забвения, зловещую смерть, пусть даже не физическую, а свершившуюся номинально — зато волею могучих обстоятельств. Как явствует из написанных в последующие годы писем Бахтина к Кожину, он одновременно и верил, и не верил в своё возрождение, и ждал, и слегка побаивался его, будучи консервативен, как все пожилые люди, к тому же кое-что испытавшие в жизни. Не раз в этих письмах он упоминал о том, что находится в «состоянии мрачного и тупого бездействия» (30 июля 1961 года) или в «состоянии некоторой депрессии и апатии» (30 мая 1964 года)...

Что же до молодого столичного литературоведа Вадима Кожина, то он, начинающий сотрудник Института мировой литературы, прочитав в кон-

<sup>1</sup> Благодаря своей сестре, многие годы жившей в Саранске по соседству с Бахтиным, Пономарёва узнала о нём и познакомилась с ним чуть позже Кожина, но всё равно очень рано: в 1962 году.

це пятидесятих книгу Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» заинтересовался судьбой её автора, стал расспрашивать о нём знакомых филологов старшего поколения. Все буквально в один голос говорили, что Бахтин был репрессирован и, по всей видимости, давно погиб. . . Только однажды Л. И. Тимофеев, авторитетный учёный, многие годы проработавший в Институте мировой литературы, сказал, что нет, Бахтин жив — живёт, кажется, в Саранске и преподаёт в тамошнем пединституте. Тимофеев раньше даже переписывался с ним, но — вот досада! — теперь потерял его адрес. Тогда-то Кожин и решил наудачу отправить в Саранск, в университет, возникший из пединститута, своё письмо (написанное — для большего веса — не только «от себя», но и от имени нескольких ближайших друзей), которое негаданно сотрясло смиренный покой Бахтина.

Но, конечно, эта буря переживаний осталась за семью печатями: Бахтин отнюдь не был склонен к душевным излияниям. В своём коротком ответе, 26 ноября, он сослался на «растущую невылазность» университетских дел и пообещал со временем написать обстоятельнее.

Естественно, выказал радость от полученного письма, выказал и надежду на «молодое поколение наших литературоведов», а также горячее желание лично познакомиться с теми, кто к нему обратился (по публикациям в журнале «Вопросы литературы» он их уже знал). От статьи в «Литературной энциклопедии» Бахтин мягко отказался: *«Помещение такой статьи обо мне выглядело бы неоправданным и даже странным, так как опубликованные мои работы не дают для этого достаточных оснований, а то, что по тем или другим причинам находится под спудом, вообще не подлежит обсуждению».*

Кожин (в следующем письме — 1 декабря 1960 года) всё же не отставал: *«Нам было бы странно и даже стыдно, если бы в «Энциклопедии», к которой мы так или иначе причастны, отсутствовала статья о Вас».*

*Поэтому — уж простите нас ради бога — нам придётся собрать непроверенные и, вполне возможно, ошибочные данные и составить всё же эту статью. Правда, мы ещё надеемся, что Вы согласитесь помочь. Если это так — просьба прислать самые краткие сведения как можно скорее, ибо первый том (А-В) уже сдаётся в печать в середине декабря».*

Уступив деликатному, но довольно твёрдому нажиму, «саранский отшельник» 7 декабря выжал из себя несколько скупых и неподдельно сдержанных строк:

*«Мои дорогие упрямые друзья, я родился 17 ноября (н<ового> ст<ия>) 1895 г. в г. Орле. Получил филологическое образование в Петроградском университете. Начал свою вузовскую работу в Витебском педагогическом институте (в 1920 г.). К тому же времени относятся мои первые публикации в местной прессе (они не заслуживают внимания). В настоящее время работаю зав. кафедрой литературы в Мордовском гос. Университете (он организован в 1957 г. на базе Пед<агогического> института). Кроме известной Вам статьи о «Воскресении», есть ещё статья о драматургии Л. Толстого в том же издании 1928 г. (тома не помню)».*

Только прощальные слова были свободны от этой подчёркнутой сдержанности:

*«С сердечным приветом и любовью.  
Ваш М. Бахтин».*

## Ведомости не горят

... Бальзак самовластно присваивает себе дворянскую приставку. Начиная с «Шагреневой кожи» все его книги появляются под именем Оноре де Бальзак, и горе тому, кто решится оспорить его притязания на благородное происхождение. Он распускает слух, что только из скромности он, потомок маркизов д'Антрэгов, именуется просто «де Бальзак».

---

Цвейг С. Бальзак (глава 8).

Итак, вот сведения, полученные, как говорится, из первых рук. Многие удивятся, узнав, что из сообщённого Бахтиным не всё полностью соответствует действительности (об этом чуть позднее)...

Исследователям пришлось долго и тяжело искать скудную документальную информацию о жизни Бахтина (особенно о его ранних годах). К сожалению, такова вообще данность XX столетия. В. Д. Дувакин<sup>2</sup>, который записывал на магнитофон устные мемуары многих людей (а в 1973 году записал и несколько многочасовых бесед с Бахтиным), в одном из отчётов об этой своей работе отмечал, что письменных источников по истории русской культуры первой половины XX века меньше, чем «от хронологически более далёкого чеховского, некрасовского и даже пушкинского времени»<sup>3</sup>; причин тому много: технические изобретения и ускорение темпа жизни, которые уменьшили потребность в переписке, а также массовая гибель архивов в условиях войн и послевоенной разрухи. Естественно, Дувакин не мог здесь назвать среди причин политические репрессии. Об этом написано, к примеру, В. А. Кавериним, рассказавшим, как осенью 1937 года он, прийдя к Ю. Н. Тынянову, увидел его глубоко потрясённым и подавленным. Оказалось, что Тынянов несколько часов назад сжёг многие бумаги своего

---

<sup>2</sup>Виктор Дмитриевич Дувакин с середины 1940-х годов был преподавателем филологического факультета МГУ, вёл там спецкурс и спецсеминар «В. В. Маяковский и советская поэзия», но в 1966 году, выступив на суде в защиту Андрея Синявского, учившегося в его семинаре, был изгнан с факультета и, при поддержке тогдашнего ректора МГУ И. Г. Петровского, стал работать на общеуниверситетской кафедре научной информации, где принялся записывать на магнитофон устные мемуары многих людей.

<sup>3</sup>Записка В. Д. Дувакина «О моей работе на кафедре научной информации МГУ». / Публикация В. Ф. Тейдер // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: «Наука», 1990, с.308–309.

архива (так тогда «делали многие, почти все, не зная, что может случиться в ближайшую ночь», — пишет Каверин). И далее: «... он (Тынянов) заговорил о невозвратимой гибели архивов, свидетельств истории собиравшихся десятилетиями, — бесценных коллекций, в которых отразилась вся частная жизнь России»<sup>4</sup>.

Бахтин, как уже упоминалось, пережил арест и ссылку. Но даже и до конца 1920-х годов, когда он был арестован, прошло две войны и три революции, которые тоже не способствовали сохранению архивов. К тому же Бахтин был человек совершенно не официальный; в государственных архивах он обозначился мало. Где о многих позволяют судить какие-то персональные бумаги, личные дела и т.д., там о Бахтине — ничего, только (в лучшем случае!) несколько строчек или беглое упоминание в общем ряду, в каком-нибудь списке или финансовой ведомости. Да и личные архивы, к сожалению, тоже мало что дают. Дневников или каких-нибудь записок Бахтин никогда не вёл, письма писать, как мы помним, не любил. . .

Загадки начинаются уже с вопроса о происхождении Бахтина. По имеющимся документам, семья Бахтина принадлежала к купеческому сословию. Например, в метрической книге Петропавловского Собора г. Орла за ноябрь 1895 года, было записано: «№ 83. Рождён 4, крещён 8 ноября Михаил. Родители его: орловский купеческий сын Михаил Николаев Бахтин и законная его жена Варвара Захарьева, оба православные. Восприемники: орловский купеческий сын Павел Николаев Бахтин и орловского купца Николая Козмина Бахтина жена Екатерина Павлова. Таинство крещения совершили: иподиакон Орлов и псаломщик Успенский»<sup>5</sup>. Подобная же запись чуть раньше, в марте 1894 года, была сделана и о старшем брате Бахтина, Николае Михайловиче, а, позднее, и обо всех его сёстрах.

Однако во второй половине 1993 года в журнале «Человек» началась первая публикация бесед Бахтина с Дувакиным (позднее изданных в виде книги<sup>6</sup>), и Бахтин сказал там о своём дворянстве. В начале первой из этих бесед, записанных Дувакиным на магнитофон в 1973 году, на вопрос «из какой семьи Вы вышли?» Бахтин ответил: «Из семьи дворянской и очень древней. У нас, так сказать, по документам с XIV века... Но дело в том, что семья наша <...> уже была захудалой, потеряла уже почти всё. <...> ... мой прапрадед... был бригадир екатерининских времен... То есть бригадир — он генерал бригадный... который три тысячи душ своих пожертвовал специально на создание одного из первых в России кадетских корпусов. Этот корпус существовал до революции. <...> Носил его имя. Значит, вот... имени Бахтина Орловский кадетский корпус. <...> Это счёт такой на души был. <...> Да, большая, огромная сумма. Он положил, так ска-

<sup>4</sup>Каверин В. А. Юрий Тынянов (К 70-летию со дня рождения) // «Новый мир», 1964, № 10, с.241.

<sup>5</sup>См.: Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993, с.32.

<sup>6</sup>См.: Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: «Прогресс», 1996; Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М.: «Согласие», 2002.

зять, начало нашего разорения <...> А мой дед довершил разорение»<sup>7</sup>. Далее Бахтин рассказал об утраченных его дедом обширных земельных владениях в Севском, Трубчевском и Дмитровском уездах Орловской губернии, о родстве с Кантемирами и Святополк-Мирскими, упомянув о том, что его, правда сказать, «это мало интересовало... Вот брат мой, он изучал свою родословную, всё это знал, а я плохо знаю...»<sup>8</sup>

Как известно, Оноре Балзак присвоил себе дворянство из тщеславия. Почему же Бахтин говорил о своём дворянском происхождении? Зачем выдумал это о себе?

Смолоду Бахтин был вполне равнодушен к вопросу о своём происхождении, всегда указывая в анкетах, что произошёл из класса банковских служащих или просто служащих, и не упоминая о своём дворянстве. Например, в анкете преподавателя Витебской народной консерватории (где Бахтин работал в 1921–1923 гг.) он написал о себе: «Живу и жил раньше заработной платой»<sup>9</sup>. В следственном деле, по которому он проходил в Ленинграде 1929–1930 гг., о нём сообщено он «сын мещанина из Орловской губернии»<sup>10</sup>. В анкете, заполненной 15 сентября 1944 года при переезде из Кимр в Саранск он написал: «Родился я в 1895 году в г. Орле в семье служащего»<sup>11</sup>.

И только в поздние годы возникла и проявилась эта его «дворянская легенда». Причём этому кое-что предшествовало... В начале 1970-х гг. Кожин писал в биографическом очерке, напечатанном в саранском сборнике статей «Проблемы поэтики и истории литературы», посвящённом М. М. Бахтину в связи с 75-летием со дня его рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности: «Отец его принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с XIV века и давшему России ряд выдающихся общественных и культурных деятелей — в частности, поэта И. И. Бахтина, одного из основателей первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ишпокрону» (1789–1791), и видного критика, сподвижника Катенина и Грибоедова, Н. И. Бахтина, который в 1840–1850 годах был государственным статс-секретарём»<sup>12</sup>.

Позднее, в одном из интервью начала 1990-х гг., Кожин пояснил, что эта информация была почерпнута из биографического предисловия к книге старшего брата Бахтина, Николая Михайловича, опубликованной в Англии<sup>13</sup>, в Бирмингеме, куда он эмигрировал после Октябрьской рево-

<sup>7</sup>Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М.: «Согласие», 2002, с.19–20.

<sup>8</sup>Там же, с.20.

<sup>9</sup>Государственный архив Витебской области, ф.1050, оп.1, д.64, л.11.

<sup>10</sup>Следственное дело. 108 (1929) // Архивное управление УФСБ РФ по Ленинградской области, д.5, т.3, л.18.

<sup>11</sup>Карпунов Г. В., Борискин В. М., Естифеева В. Б. Михаил Михайлович Бахтин в Саранске. Очерк жизни и деятельности. Саранск: Издательство Саратовского университета. Саранский филиал, 1989, с.6.

<sup>12</sup>Кожин В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. / Сборник статей. Саранск, 1973, с.5 (Кожин писал о биографии Бахтина до 1945, а Конкин — после 1945 гг.).

<sup>13</sup>Bachtin N. Lectures and Essays. Birmingham, 1963, pp.1–16 («Biographical introduction»).

люции. Кожинов рассказывал: «...я прочитал, что он (т.е. Н. М. Бахтин — Н. П.) принадлежал к дворянскому роду, причём это утверждалось, видимо, со слов самого Николая Михайловича. Когда я спросил М. М. о его родословной, он как-то «замял» разговор, что вообще было ему свойственно: он очень не любил говорить о себе. <...> Но во всяком случае М. М. не опроверг этого утверждения, содержавшегося в английской книге. Когда же я спросил, был ли его родственником оставивший о себе добрую память сибирский губернатор Бахтин, <...> он ответил: «Да, по какой-то там линии мы связаны»<sup>14</sup>.

Через некоторое время один из биографов М. М. Бахтина (С. С. Конкин) передал некоторую информацию о том, что было известно о его происхождении: «В 1976 году, уже после смерти Михаила Михайловича, мне довелось встретиться в Москве с Елизаветой Тихоновной Ситниковой, приходившейся ему двоюродной сестрой (о её жизни в Москве я знал от самих Бахтиных). Она удивилась, когда узнала из первых строк биографического очерка, посвящённого М. Бахтину, что авторы очерка, В. Кожинов и С. Конкин, отнесли его к дворянскому сословию. «Нет, — сказала мне Елизавета Тихоновна, — Бахтины дворянами не были. Наши с ними матери — родные сёстры, а их семья считалась мещанской. Мещанской считалась в городе и семья Бахтиных»<sup>15</sup>.

Этот биограф сделал акцент на бахтинских словах из «Разговоров с Духакиным»: «Вот брат мой изучал родословную, всё это знал, а я плохо знаю». Возможно, старший брат в самом деле повлиял на Михаила Михайловича. ... Причём в бумагах личного архива, оставшегося от Николая Бахтина в Бирмингеме, удостоверяется, что дворянская версия биографии была высказана именно с его слов. Франческа Уилсон, близкий друг Н. М. Бахтина, один из авторов предисловия к его бирмингемской книге, писала в своих воспоминаниях, которые пока не опубликованы: «Он родился в 1896 году в Орле. <...> *«Моя семья — говорил он, — принадлежала к мелкому провинциальному дворянству. Мой отец был гражданским служащим банка и утверждал, что может проследить свою родословную с 14 столетия. Мой дядя был богатым человеком, пекущимся об общественных интересах, он сделал своё имя знаменитым, основав Орловский имени Бахтина кадетский корпус, который был ликвидирован в 1918 году. Мой отец был нечестливым и никогда не был богат, всегда борясь лишь за благополучие своей растущей семьи»*. Николай Бахтин был старшим из пятерых детей»<sup>16</sup>.

В 1924 году, уже за границей, в Париже, Николай написал на русском языке стихотворение, посвящённое брату, где в первой же строке говорится — «делила нас тревожная вражда». Заканчивается этот текст на несколь-

<sup>14</sup> «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 1992, № 1, с.110–111.

<sup>15</sup> Конкин С. С. Если обратиться к первоисточникам (К родословной М. М. Бахтина). // The Seventh International Bakhtin Conference. Book II. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 1995, с.246

<sup>16</sup> См., например: The Library of the Birmingham University. Special Collection. Additional Papers, File IV, p.6.

ко более жизнерадостной ноте: «Двух разных душ коснётся та же дрожь, / Мой враг и брат; и сквозь вражду и годы / Ты мой привет услышишь и поймёшь»<sup>17</sup>.

Стихотворение это называется «Одному из оставшихся». Таким образом, на первый план выдвигается представление о том, что революция 1917 года и последовавшая за ней эмиграция Николая стали первой трещиной между братьями, хотя и до неё, вероятно, ощущались некоторые проблемы в общении между ними, хотя была, несомненно, и родственная близость. . .

В конце жизни Николай Бахтин уже сожалел о своём участии в белом движении и вступил в английскую компартию, сделавшись сталинистом. Любопытно было бы узнать, как эта перемена сказалась на его «дворянской» самоидентификации. Вот впечатление, высказанное Ф. Уилсон в уже цитировавшихся мемуарах из «Additional Papers» бирмингемского архива Николая Бахтина: «Бахтин, которого я знала как *бескомпромиссно антистократического* в отношениях, был настолько напуган подъёмом нацистов, что счёл принятие коммунизма единственной альтернативой. Правда, он всегда был крайне *плохим коммунистом*. Он был поэт и чуждался политики. Он был слишком критичен и своеволен (rebellious), чтобы придерживаться партийной линии» (курсив мой — Н. П.).

Впрочем, Михаил Михайлович говорил Дувакину, что «английская компартия, она своеобразна: рабочих там почти нет, а лорды и интеллигенция, только»<sup>18</sup>. Однако, по словам английского социолога К. Ньютона, информация о социальном составе Британской компартии обнародовалась партийным руководством лишь дважды, в 1930 и 1931 гг. Об остальных годах приходится судить на основании косвенных данных. Тем не менее К. Ньютон определённо утверждает (р.55): «Люди рабочих профессий составляют наибольшую часть (by far the largest proportion) членов Британской коммунистической партии, и всегда составляли, даже в конце 1930-х годов, когда партия привлекла большое число людей, принадлежавших к среднему классу». В 1935–42 гг. ряды компартии выросли с 5.800 до примерно 50.000, среди вновь вступивших в неё было немало интеллектуалов, но о большом количестве лордов-коммунистов социология умалчивает. «Коммунистом из лордов» Бахтин называет Дувакину жившего «по соседству с нами и тоже в каком-то отношении родства или свойства» известного филолога и критика Д. П. Святополк-Мирского (репрессированного в 1939 году), таким же мог считать себя и Николай Михайлович. . .

Но в этом резком повороте уже отсутствовала естественность, так что у М. М. Бахтина при упоминании о «коммунистах из лордов» сразу же возникла мысль об их стремлении к «экзотике быть непохожим на других и прочем и прочем»<sup>19</sup>. Закономерно, что он не принял сталинистской «перековки» брата и, по словам Кожина, оценил её как «деградацию» запугавшегося эмигранта. Кожин рассказывал мне, что в 1963 или 1964 го-

<sup>17</sup>Christian R.F. Some Unpublished Poems of Nicholas Bachtin // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1977. Vol. 10. P. 115.

<sup>18</sup>Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. . . , с.21.

<sup>19</sup>Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. . . , с.21.

ду он привёз Бахтину в Саранск присланную из Бирмингема книгу брата. На следующий день Бахтин, ознакомившись с книгой, по словам Кожина, резко бросил её на стол и сказал: «Русские в эмиграции или ассимилируются или деградируют». Правда, в биографическом очерке, предпосланном книге, о вступлении Н. М. Бахтина в английскую компартию не упоминается. Но об этом, видимо, Бахтину сказал Кожин, и резкая реакция на книгу была вызвана именно этим. Американскому литературоведу Н. Ржевскому Кожин говорил, что «Бахтин отказался хранить дома книгу брата, когда узнал, что последний стал поклонником Сталина в конце своей жизни»<sup>20</sup>.

---

<sup>20</sup>Rzhevsky N. Kozhinov on Bakhtin // «New Literary History», 1994, vol.25, № 2, p.439.

